

DOI 10.32726/2411-3417-2023-4-84-89

УДК 94(47)

ЕЛЕНА ЛИНЬКОВА

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и балканский вопрос в представлениях отечественных консерваторов второй половины XIX в.

Аннотация. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. вызвала широкий резонанс в русском обществе и сделала балканскую тему одной из основных в консервативной публицистике. Военные и дипломатические события 1877–1878 гг. в очередной раз продемонстрировали глубину противоречий между странами, чьи интересы соприкасались с балканским регионом и Ближним Востоком. На фоне всеобщего подъема патриотических настроений в России, усилившихся после побед русской армии и Сан-Стефанского договора, итоги Конгресса в Берлине воспринимались русскими консерваторами как дипломатическое поражение. Берлинский конгресс стал переломной вехой как во внешнеполитическом курсе России, так и в концепциях отечественных консерваторов, большинство из которых окончательно освободилось от идеализации славянства и политики союзов, в частности, с Германией.

Ключевые слова: русский консерватизм, Русско-турецкая война 1877–1878, Балканы, балканское геополитическое пространство, Восточный вопрос, Берлинский конгресс.

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. стала одним из ключевых событий внешней политики России второй половины XIX в. и, как следствие, вызвала широкий резонанс в русском обществе. Кампания 1877–1878 гг. вновь продемонстрировала глубину противоречий между странами, чьи интересы так или иначе соприкасались с балканским регионом и Ближним Востоком. В данный конфликт были вовлечены все великие державы, и если военные действия велись лишь Россией и Турцией, то в дипломатических баталиях участвовали также Великобритания, Австро-Венгрия, Германия, Франция, Италия. Кроме того, именно в ходе этой войны, а также международных конгрессов второй половины XIX в. активно шел процесс формирования балканской идентичности, что также не могло остаться вне российского дискурсивного поля. Сам концепт Балкан в качестве геополитического пространства во многом был создан именно в рамках полемики, которая велась в период Парижского конгресса 1856 г., Константинопольской конференции 1877 г., Сан-Стефанского и Берлинского конгрессов 1878 г.

Сведения об авторе: ЛИНЬКОВА Елена Валентиновна — профессор Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор исторических наук, e.v.linkova@yandex.ru.

Данные вопросы не могли не найти отражения в отечественной публицистике второй половины XIX в. Более того, балканская тема стала одной из основных в консервативных геополитических построениях. Прежде всего, российские консервативные мыслители и государственные деятели писали о росте международной напряженности вокруг Балкан, которая в итоге привела к началу войны. Крымская кампания и Парижский мир 1856 г. на время приостановили рост российского влияния на Ближнем Востоке и в Закавказье. Но главный вопрос, волновавший великие державы, — о будущем Османской империи, особенно тех ее провинций, которые располагались в Европе (а для англичан и французов крайне важен был и Египет) — так и не был решен. К тому же, Великобритании и Франции не удалось заставить Турцию следовать пунктам Парижского мира, ситуация на Балканах продолжала осложняться, а в борьбу за распространение своего влияния в регионе все активнее вступали новые силы — например, Германия в союзе с Австро-Венгрией.

Не менее важно было понять и устремления самих балканских народов. Среди российских консерваторов к 1870-м годам уже не существовало единого мнения о будущем славянского мира, о возможности его единения вокруг России. Лишь к концу XIX в. в отечественной общественной мысли сформировалось понятие «Балканы», что, впрочем, не привело к окончательной дефиниции региона в качестве единого пространства. Причиной подобной неопределенности и горячих дискуссий являлось то обстоятельство, что Балканы всегда находились на пересечении нескольких лимитрофных зон: между Западом и Востоком, между христианством и исламом. Кроме того, в России, особенно среди консерваторов, Балканы традиционно воспринимались как часть Византийской империи, вследствие чего балканская идентичность представлялась поствизантийской. Поэтому полемика о судьбах Балкан была тесным образом связана с размышлениями о византизме, о возрождении православного Востока и т.д.

Данные дискуссии и историософские построения приобретали особую остроту в те периоды, когда решение Восточного вопроса виделось близким. Так происходило в годы Крымской войны 1853–1856 гг., так было и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Среди отечественных консервативных деятелей не было четкой позиции в отношении необходимости войны на Балканах. Отмечались высокий уровень патриотических настроений в российском обществе, воодушевление и рост симпатий к славянам. Но к концу 1875 г. Балканский вопрос превратился в острую международную проблему, что повлекло за собой активную международную полемику по вопросу о будущем османских провинций.

Не случайно в эти дни на страницах «Московских ведомостей» одной из главных тем стало обсуждение причин обострения Восточного вопроса. М.Н. Катков указывал, что в интересы России не входило осложнение балканского вопроса, но «посол наш в Константинополе первенствовал, что возбуждало зависть и опасения у наших всегдашних

соперников на Востоке»¹ [Катков. 1877. С. 2]. Более того, цель России заключалась, по мнению Каткова, «не в колебании верховной власти султана, не в разрушении его империи..., а в согласовании факта существования Турции с улучшением положения христиан, постепенной децентрализацией частей, освобождением христиан не от верховной власти султана, а от рабского подчинения их каждому мусульманину» [Там же]. То есть позиция России не предусматривала ликвидацию Османской империи, а требования российского МИД состояли в том, чтобы заставить Турцию соблюдать статьи Парижского мира. Катков настаивал на том, что вовсе «не от России в то время поднялись возгласы о близости Турции к падению. Речь о том завели в Англии, и без всякого повода» [Там же]. В результате это привело к углублению кризиса и обострению ситуации на Балканском полуострове.

М.Н. Катков полагал, что лишь политика ультиматумов могла бы удержать ситуацию и предотвратить войну [Катков. 1877. С. 147]. Однако европейская дипломатия потерпела поражение от Турции, причем всю вину Великобритания возложила на Россию. «...Вот к чему привела наша уступчивость, старавшаяся во всем сообразоваться с программой английской политики! Все делалось по ее указаниям и настояниям», — писал по этому поводу Катков [Там же. С. 151]. Кроме того, все надежды на совместные действия и общие решения по османскому вопросу также оказались абсолютно неконструктивны.

Стало очевидно, что позиция России не будет поддержана странами Запада. Как справедливо подчеркивал К.П. Победоносцев, «...вся наша сила в нас самих... ни на одного из так называемых друзей и союзников нельзя нам положиться... всякий из них готов на нас броситься в ту же минуту, как только заметит нашу слабость или ошибку» [Победоносцев. С. 56]. Причем, отмечал он, осознать сложность ситуации следовало намного раньше, а не в критический момент, когда Россия оказалась перед лицом войны.

Манифест императора об объявлении войны встретил большую поддержку и одобрение со стороны российского общества, давал надежду на то, что Восточный вопрос близок к своему разрешению. «Великое событие!.. Давно подготовлялось оно; давно ожидала его вся Русская земля, — с восторгом писал К.П. Победоносцев. — Никогда не предпринималась война более правая, никогда не было такого единодушия между Русским Царем и его всегда послушным Ему народом, никогда Русский Царь не обладал таким могуществом, и никогда в действиях человеческих не выражалась с большею явственностью воля Провидения. Мы присутствуем при начале великого» [Победоносцев. С. 163]. Казалось, что Россия наконец близка к реализации своей исторической миссии по освобождению «братьев по вере и крови» [Там же. С. 162–163]. Поэтому и общая атмосфера соответствовала моменту. В «Московских ведомостях» отмечали, что «минуты, переживаемые теперь Москвой, а с нею всей Россией, редки

---

1 Здесь и далее цитаты приводятся в современной орфографии. Эмфатическое (стилистическое) употребление заглавных букв сохранено. — Прим. редакции.

в жизни всякого народа. Счастливы поколения, которым доводится испытать их. В них благодатная обновляющая сила» [Там же. С. 166].

И конечно, на фоне всеобщего подъема патриотических настроений, усилившихся после побед русской армии и подкрепленных условиями Сан-Стефанского договора, Берлинский конгресс стал настоящим разочарованием и воспринимался как дипломатическое поражение.

Берлинский конгресс и подписанный по его итогам трактат 1 (13) июля 1878 г. не оставил надежд на благоприятный исход борьбы за Балканы. В эти дни «Русский вестник» опубликовал серию статей, посвященных итогам войны и причинам неудач российских дипломатов, по сути нивелировавших военные победы России. Тон публикаций был антианглийским и антиавстрийским. Суть размышлений консервативных публицистов сводилась к тому, что страны Западной Европы, недовольные Сан-Стефанским миром, ни в коей мере не могли допустить усиления российского присутствия и влияния на Балканах. Итог был закономерен: дипломатическим путем коллективный Запад выступил единым фронтом против России, заставил ее отказаться от плодов всех блестящих побед российской армии. А возглавила это антироссийское движение, как и в годы Крымской войны, Великобритания: «Защита цивилизации, свободы Европы, ее общих интересов, благодетель мира, вот те фразы, на которых строились, по инициативе Англии, озлобленные нападки на Россию и Сан-Стефанский договор»¹.

Как было заявлено официально, для обсуждения — а по факту, как писал «Русский вестник», для отмены — положений, принятых в Сан-Стефано, и был созван Берлинский конгресс, судилище России и южного славянства. Лозунги англичан о необходимости подписать по-настоящему «благодетельный» для Болгарии мир «Русский вестник» трактовал как попытку завуалировать под красивыми и громкими фразами реальную цель британской дипломатии. В чем же состояла истинная польза для Болгарии? — задавал вопрос журнал. «Не в возвращении ли лучшей части Болгарии, наиболее пострадавшей за желание избавиться от ига, опять во власть Турции, с прибавкой английских плантаторов, умеющих охотиться за туземцами своих колоний, в одну из каковых через несколько лет грозит превратиться бывшая Турецкая империя? Не в отдаче ли Боснии и Герцеговины Австро-Венгрии, политика коей искони основана на принципе прижимания славян к стене?² Не в распространении ли сферы влияния Мадьяр на Сербию и Черногорию? Не в туманных ли удовлетворениях греческих провинций Турции, о коих Афинское со Стамбульским правительства имеют войти в соглашение? Не в нескольких ли любезных фразах, сказанных армянским делегатам, когда курды продолжают вырезывать их соотечественников чуть не целыми деревнями?»³

1 Русский вестник. 1878. М. 1878. № 7-8. Том 136. С. 515.

2 «Славян должно прижать к стене» (“Man muß die Slaven an die Mauer drücken”) — получившие в свое время широкий резонанс слова министра иностранных дел Австро-Венгрии Ф. фон Бейста. В ответ на эти слова Ф.И. Тютчев написал стихотворение «Славянам (“Они кричат, они грозятся”))». — прим. редакции.

3 Русский вестник. 1878. М. 1878. № 7-8. Том 136. С. 515.

Итак, действия российской дипломатии на Берлинском конгрессе и основные положения трактата, подписанного по его итогам, вызвали критику со стороны консервативных мыслителей, оценивших всю степень неприязни Великобритании к России и неспособность России ей противостоять.

М.Н. Катков отмечал, что Русско-турецкая война, по сути, явилась продолжением Крымской кампании и тех противоречий, которые не были сняты в 1856 г. «...Наши противники считали дело с нами поконченным, но один за другим в этот промежуток времени они понесли заслуженную кару; один за другим они выбыли из строя. Остался один, злейший враг из всех, который был истинным виновником всего зла на Востоке, который своими ковами и возбудил против России войну в 1853 году. Он же стал виною и возобновления ее в 1877... Русские войска в Константинополе, Турция потрясена в своих основаниях, ее могущество зависит от милости Русского царя... К чему же Англии послужила бешеная осада Севастополя, под который удалось ей тогда своими обманами привести почти всю Европу?». Публицист выразил точку зрения, что Крымская война закончилась не в 1856, а в 1878 г., «после двадцатидвухлетнего перемирия!» [Катков. 1878. С. 64].

Берлинский конгресс и его решения вновь показали, что Западная Европа не намерена мириться с возрастающим влиянием России на Балканах. Итоги Берлинского конгресса вызвали «что-то вроде общественного траура» [В пороховом... С. 11], так как страны Западной Европы, используя определение И.С. Аксакова, «сорвали с России победный венец», а взамен дали «шутовскую с гремушками шапку» [Аксаков. С. 6]. Аксаков полагал, что страну лишили всех тех выгод, которые должны были быть получены в результате Русско-турецкой войны. Виновниками нового положения он называл западноевропейские правительства и Министерство иностранных дел России, которое было не в состоянии развить военные удачи на дипломатическом уровне и уступило требованиям противников.

Говоря об атмосфере в обществе, которая царила после войны, К.П. Победоносцев с сожалением признавал, что увещевания правительства не могут успокоить народ. «Говорят, что мы не в силах, не можем воевать, и военный министр говорит всего громче. Но народ не знает об этом и не может представить себе. К сожалению, все мы слышим только, что это говорится, и вспоминаем, что слышали то же перед началом войны» [Победоносцев. С. 125]. В письме к великому князю Александру Александровичу он привлекал внимание к тому, сколь тяжелы для общества результаты войны: «мы на каждом шагу видим и чувствуем, как принижено и огорчено в русских людях национальное чувство», а безразличное отношение императора и его окружения к подобным настроениям вызывало беспокойство [Там же].

Но необходимо обратить внимание и на иные точки зрения, получившие развитие в трудах консервативных мыслителей. Например, К.Н. Леонтьев находил позитивные аспекты в подписании Берлинского трактата. Именно благодаря конгрессу в Берлине, писал он, «Англия вынуждена была вполне раскрыть свои карты... Нам раз и навсегда

стало ясно, что не столько мусульманство, сколько Англия нам естественный и вечный враг на Востоке. Можно доказать, что есть даже несколько степеней примирения с мусульманами» [Леонтьев. С. 381]. Леонтьев полагал, что в сложившихся обстоятельствах «сохранить турок временно в Царьграде нам было гораздо выгоднее, чем видеть их несвоевременное удаление...» [Там же. С. 382], ведь «нейтрализованный и поставленный под общий контроль Европы Царьград стал бы очень скоро самым опасным очагом крайнего международного космополитического радикализма» [Там же. С. 383].

Представляется, что Берлинский конгресс явился некой переломной вехой как во внешнеполитическом курсе России, так и в концепциях отечественных консерваторов, большинство из которых окончательно освободилось от идеализации славянства и политики союзов, в частности, с Германией.

Балканская тема и споры вокруг предпосылок и итогов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. стали неотъемлемой частью общественно-политических дискуссий второй половины XIX в., а также геополитических построений российских консерваторов. Консервативные мыслители через призму балканского вопроса пытались разглядеть особенности и характер отношений между Россией и странами Запада. Кроме того, полемика на эту тему способствовала осмыслению балканской идентичности, роли и места России в славянском мире и в движении славянской взаимности.

Литература

Аксаков И.С. Речь, произнесенная в Московском славянском благотворительном обществе. Берлин. 1878.

«В пороховом погребе Европы». 1878–1914 гг. М. 2003.

Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1877 г. М. 1897.

Катков М.Н. Собрание передовых статей Московских ведомостей. 1878 год. М. 1897.

Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство: Философская и политическая публицистика. Духовная проза (1872–1891). М. 1996.

Победоносцев К.П. Письма Победоносцева к Александру III. Том I. М. 1926.

*Статья публикуется в рамках проекта
«"Сим победиши!" Российское общество и армия в моменты испытаний»,
реализованного при поддержке Президентского фонда культурных инициатив.*